

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ВОРОНЕЖСКИХЪ
ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

1 ОКТЯБРЯ. ||

№ 19 ||

1902 ГОДА.

ПОУЧЕНІЕ

въ день праздника въ честь Казанской иконы Божіей Матери.

Въ вышѣшній праздникъ, въ честь Казанской иконы Божіей Матери, невольно, бр., приходятъ на мысль слова слѣдующаго умильтельнаго церковнаго иѣснословія къ Заступницѣ христіанъ: «не умолчимъ никогда, Богородице, силы твоя глаголати недостойни: аще бо Ты не бы предстояла молящи, кто бы насъ избавилъ отъ толикихъ бѣдъ? кто же бы сохранилъ (насъ) донынѣ свободны?» При этомъ невольно вспоминается тотъ страшный напоръ всевозможныхъ бѣдъ и

напастей, который обрушился на наше православное отечество въ началѣ XVII столѣтія, когда наши православные предки, обуреваемые волнами этихъ бѣдъ и напастей, совсѣмъ было лишены свободы политической и религіозной.

Кто же сохранилъ ихъ и насъ донынѣ свободными въ политическомъ и религіозномъ отношеніи?—Наша Покровительница, Усердная Заступница рода христіанскаго—Матерь Божія.

Остановимъ же, бр., наше вниманіе на этомъ спасительномъ покровѣ и заступленіи Преч. Богоматери; перенесемъ мысленно къ смутной эпохѣ междоусобицъ, къ тяжелой годинѣ самозванцевъ. Въ началѣ XVII столѣтія, въ нашемъ отечествѣ пресѣкъся родъ православныхъ царей русскихъ изъ дома Рюрика. Последняя отрасль этого дома царевичъ Димитрій, сынъ Грознаго, измѣннически былъ убитъ въ Угличѣ злодѣями. Государство осталось безъ главы; Россіи угрожали всѣ ужасы безначалія: всякій порядокъ въ ней исчезъ. Ничѣмъ не сдерживаемыя страсти людскія широкою волною охватили наше отечество.

Внутри государства появились шайки злодѣевъ, не щадившихъ ни жизни, ни имущества согражданъ. Сиротствующій престоль царскій окружили недостойные честолюбцы и властолюбцы, дерзко домогавшіеся самаго престола царскаго. Русскіе подданные Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій, одинъ за другимъ, легко достигали высоты самаго престола и, не имѣя на то законнаго права, такъ же легко теряли его.

Къ довершенію бѣдствія, появились самозванцы, принимавшіе имя убитаго царевича Димитрія, изъ которыхъ каждый заявлялъ, что онъ случайно спасшійся отъ убіенія сынъ Грознаго Димитрій и святотатственно восходилъ на престоль русскій. Азчные искатели житейскихъ выгодъ и легкой наживы готовы были предать свое отечество сосѣднимъ вра-

гамъ и дерзкимъ самозванцамъ. Нашлись русскіе измѣнники, которые помогали самозванцамъ, какъ бы законнымъ наследникамъ, занять отечественный престолъ.

Вотъ до какой степени, бр., страсти и пороки людскіе могутъ ослѣпить очи ума: человекъ, и видя, не видитъ, и слыша, не слышитъ...

Видите, бр., какой ужасный, бурный потокъ всевозможныхъ бѣдъ разлился по лицу русской земли и готовъ былъ въ своихъ мутныхъ волнахъ поглотить все, что намъ такъ дорого теперь: и самодержавіе русскаго царства, и русскую народность, и наше православіе,—все, чѣмъ сильны мы, чѣмъ страшны врагамъ!

Русское царство въ это время походило на сраженнаго, безпомощно лежавшаго богатыря, котораго каждый дерзко попираетъ ногами, святотатственно срывая съ него послѣдніе доспѣхи. Сосѣдніе народы поляки и шведы отторгали область за областью и присоединяли къ своимъ: взяли Смоленскъ, отторгнуть Новгородъ, весь Западъ Россіи—въ рукахъ враговъ. И алчные враги уже готовы бросить жребій о послѣднемъ достояніи этого сраженнаго богатыря, «кто что возьметъ»? Взята поляками Москва—это сердце Россіи. И такъ палъ послѣдній оплотъ русскаго самодержавія, русской народности и православія. Разразился надъ русскою землею послѣдній ударъ: поляки въ занятой ими Москвѣ готовы возвести на престолъ русскій, чуждаго намъ по вѣрѣ, польскаго королевича Владислава! Уже имя его, какъ русскаго царя, провозглашается во многихъ православныхъ храмахъ... Базалось, нибакъ усилія человѣческія не могли уже спасти погибавшее отечество наше.—Но, бр., «сила Божія въ немощи совершается». Тамъ, гдѣ ничего не значатъ усилія человѣческія,—тамъ—то явно и обнаруживается сила Божія. Россія погибала... Но зорко слѣдило за ея судьбою Промысли-

тельное Око Царя царей и царствъ. «Мною царіе царствуютъ», глаголетъ Господь Вседержитель. Если такъ, если не безъ воли Вседержителя царствуютъ и самые цари, если «Господь Вседержитель даетъ царство, кому восхоцетъ», если Онъ «возводитъ на престолъ мужа по сердцу Своему», то еще не все погибло, еще не все потеряно было нашими предками. А предки наши были крѣпки вѣрою въ непреложное слово Божіе.

И вотъ оттуда, отсюда всего менѣе можно было ожидать помощи и спасенія,—изъ смиренной Троицкой обители преподоб. Сергія, всегдашняго печальника и молитвенника земли русской, возсіялъ свѣтъ спасенія, занялась заря новой жизни для Россіи. Смиранный инокъ этой святой обители Авраамій Палицынъ разсылаетъ во всѣ концы Россіи свои пламенные воззванія съ призывомъ стать, какъ одинъ человекъ, на защиту вѣры и погибающаго отечества. Его пламенные посланія достигаютъ отдаленныхъ низовыхъ городовъ Россіи: Нижняго, Казани и другихъ. На зовъ смиреннаго инока откликнулся достойный сынъ отечества, гражданинъ Нижняго, Косма Мининъ. «Отечество наше гибнетъ», горячо взываетъ къ своимъ согражданамъ Мининъ: «пришло время стать за вѣру и Россію! Ополчимся и старъ, и младъ, наимемъ людей ратныхъ, продадимъ свои дома, заложимъ женъ и дѣтей—и выкупимъ отечество!» Воззванія Минина несутся по городамъ и селамъ, воспламеняютъ мужествомъ упавшій духъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Въ низовыхъ городахъ, въ Нижнемъ, въ Казани и другихъ собирается священная рать на защиту вѣры и отечества. Начальство надъ этой ратью принимаетъ престарѣлый, маститый вождь князь Пожарскій. И рать готова двинуться къ Москвѣ.

Но, бр., какая могла быть надежда на эту рать, не имѣвшую въ то время ни опытности въ бою, ни достаточ-

наго количества оружія, ни опытныхъ и согласныхъ вождей, ни даже средствъ къ своему продовольствію?! Однако всѣхъ воодушевляетъ св. надежда на помощь Божію, всѣхъ окрыляетъ мысль «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!» И вотъ взоры всѣхъ невольно обращаются къ Усердной Заступницѣ рода христіанскаго, изливавшей въ то время отъ новоявленной Чудотворной иконы Казанской цѣлые потоки чудотвореній, ради утвержденія въ вѣрѣ недавно покоренной страны Казанской. И свящ. рать вручаетъ себя верховному водительство этой Непреборимой Взбранной Воеводы, Усердной Заступницы рода христіанскаго. Чудотворная икона Казанская предшествуетъ ополченію Казанскому. И рать бодро двинулась къ Москвѣ.

Но, вѣрно, еще не всю горькую чашу бѣдъ и напастей испили наши злополучные предки. Подступили къ Москвѣ... Но осада ведется неудачно. Честолюбіе и раздоры вождей усиливаютъ бѣдствіе; слабодушіе и измѣна возвышаютъ свой голосъ о сдачѣ Москвы врагамъ, недостатокъ продовольствія и оружія возбуждаютъ ропоть. Многіе участники свящ. рати покинули, другіе готовы были покинуть воинскій лагерь и даже стать за враговъ! Казалось, самая природа вооружилась противъ защитниковъ Москвы: наступившіе осенніе непогода и холода готовы совершенно разсѣять свящ. рать. Еще одинъ неудачный приступъ нашихъ защитниковъ,—и Москва навсегда осталась бы въ рукахъ враговъ (поляковъ). Потеряна всякая увѣренность въ своихъ силахъ, ничтожны усилія человѣческія...

Но теперь-то, бр., очевиднѣе для всѣхъ и обнаружилась чудодѣйствующая сила Божія. Утомленные бѣдствіемъ, обезсиленные неравною борьбою съ сильнымъ, засѣвшимъ въ крѣпкихъ стѣнахъ Москвы, врагомъ, наши предки обращаютъ свои взоры къ единой надеждѣ христіанъ, къ покрову и за-

ступленію Богоматери. Называютъ въ войскѣ трехдневный постъ, совершаютъ предъ Чудотворною иконою Казанской усердныя моленія.

И вотъ, сверхъ всякаго чаянія, совершается чудо вѣры и несумнѣнной надежды: Москва на третій день стала свободна! Разсѣялись мрачныя тучи всѣхъ бѣдъ, и снова надъ Москвою и надъ православнымъ отечествомъ нашимъ засіяло яркое солнце вождельной свободы. И вотъ, бр., предки наши и мы донинѣ свободны!

Бто же избавилъ ихъ и насъ отъ толикихъ бѣдъ, бто сохранилъ ихъ и насъ донинѣ свободны? Единая Непостыдная Надежда, Заступница рода христіанскаго—Матерь Божія.

Въ одну изъ предшествовавшихъ ночей, когда совершались усердныя моленія предъ Пречистымъ образомъ Богоматери, Московскому Архіепископу Арсенію, больному, томившемуся въ плѣву у поляковъ въ Москвѣ, явился въ сонномъ видѣніи Преподоб. Сергій Радонежскій и возвѣстилъ Арсенію отъ себя и отъ лица Московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іонны и Филиппа: «ваша и наша молитва услышана Господомъ: по ходатайству Его Пречистой Матери, судъ объ отечествѣ нашемъ преложень на милость: завтра Москва будетъ свободна отъ враговъ!» Видѣніе это сопровождалось чудомъ: больной Архіепископъ тотчасъ же выздоровѣлъ. Вѣсть объ этой милости Божіей, какъ молнія, облетѣла русскій станъ и воодушевила воиновъ неодолимымъ мужествомъ. Послѣ перваго же приступа поляки были прогнаны изъ Москвы.

Такъ совершилось освобожденіе нашего отечества отъ поляковъ въ 1612 году въ 22 день Октября. Съ того времени, бр., мы такъ свѣтло, изъ рода въ родъ, празднуемъ нашъ отечественный праздникъ въ честь Казанской иконы Богоматери.

И такъ, бр., не умолчимъ никогда глаголати,—громко

возвѣщать о тѣхъ безчисленныхъ силахъ и чудотвореніяхъ Преч. Богоматери, Усердной Заступницы рода христіанскаго, какія Она всегда совершала и совершаетъ для нашего отечества и для каждаго изъ насъ.

Она Единая—Непостыдная Надежда, Она—скоропослушница, Она—быстрое избавленіе отъ всѣхъ бѣдъ!

«А все житіе наше на земли», возлюб. брат., въ этой юдоли плача и скорбей, «болѣзненно и печали исполнено отъ клеветы, досажденія, укоренія, болѣзней и иныхъ многовидныхъ бѣдъ и напастей общественныхъ и частныхъ. Отъ колыбели до гроба грозною, непроницаемою стѣною стоятъ предъ нами и окружаютъ насъ эти бѣды и напасти. Подъ бременемъ ихъ немощствуетъ тѣло, изнемогаетъ духъ нашъ... Обремененные грѣхами многими, въ этихъ напастяхъ, скорбяхъ, болѣзняхъ, въ годину испытаній общественныхъ и частныхъ къ кому, бр., прибѣгнемъ съ молитвою и надеждою, гдѣ скорбное сердце наше найдетъ тихое пристанище, отраду и свободу?!

Аще бо ты, Владычице, не бы предстояла молящи (за насъ), кто бы избавилъ насъ отъ толикихъ бѣдъ?

Не перестанемъ же, бр., никогда взывать къ Заступницѣ рода христіанскаго: Заступнице Усердная, Мати Господа Вышняго; за всѣхъ молиши Сына Твоего, Христа Бога нашего... всѣмъ творяши спастися, въ державный Твой покровъ прибѣгающимъ: всѣхъ насъ заступи,... всѣмъ полезная даруй,... вся спаси, Богородице Дѣво: Ты бо еси Божественный покровъ рабомъ Твоимъ! Аминь.

Священникъ *Михаилъ Ключанскій*.

ГОМИЛЕТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ ¹⁾.

III.

Въ связи съ вопросомъ о приспособленности проповѣди къ слушателямъ стоятъ вопросъ о публицистическомъ элементѣ проповѣди, иначе—о современности проповѣди.

Какъ смотрѣть на требованіе «современности» проповѣди.

Когда подъ современностью разумѣютъ отзывчивость на настроенія общественной совѣсти, всегдашнюю готовность указать путь стоящему на перекресткѣ, неумѣющему выбрать между нѣсколькими теченіями жизни, то такая «современность» есть необходимое свойство живой проповѣди. Если пастырь врачуетъ случайныя болѣзни души, обусловленные цѣликомъ индивидуальной жизнью каждаго человѣка, то тѣмъ болѣе его слово должно идти *«противъ волны»*, когда какое нибудь рожденное современностью теченіе, враждебное интересамъ святой совѣсти его пасомыхъ, грозитъ нахлынуть и захватить ихъ «бурею волнуемыхъ помышлений».

Точно также, если среди пасомыхъ создалось теченіе, хотя бы и вышедшее не изъ церкви, но такое, какое можно привлечь на «служеніе спасенію вѣрныхъ», на дѣло усовершенствованія совѣсти ихъ, то пастырь долженъ направить паству свою въ волну святого теченія. Внесеніе въ проповѣдь публицистическаго элемента дѣлаетъ пастырское слово жизненнымъ, практическимъ, современнымъ, прямо отвѣчающимъ на потребности той среды, въ которой проповѣдникъ обращается съ своимъ наставленіемъ.

«Отъ такихъ проповѣдей всегда обыкновенно вѣтъ обаятельною свѣжестью жизни; неволью завладѣвающею внима-

¹⁾ Окончаніе. См. № 18 Вор. Епарх. Вѣд.

ніемъ слушателей, какою то чарующей прелестью, невольно побуждающе ихъ къ нравственному возрожденію и умственному обновленію».

Примѣнимость къ характеру слушателей, отзывчивость на ихъ духовныя нужды и потребность, внимательность къ волнующимъ ихъ различнаго рода вопросамъ и т. д. вообще ставится въ особенную заслугу и главное достоинство пастырскихъ поученій; и сама исторія христіанскаго проповѣдничества свидѣтельствуетъ, что только тогда слова пастырей достигали наиболѣе глубокаго вліянія на общество, когда они отличались именно жизненностью и отзывчивостью на нужды времени и обстоятельствъ.

Но думаю и здѣсь особенно слѣдуетъ блюсти мѣру отзывчивости... Бываетъ неосмысленная отзывчивость механическаго «эхо». Давать свой откликъ на всякій шумъ и звукъ—это значить не понимать цѣлей проповѣдническаго слова.

Дѣло пастыря—созданіе совѣсти, и это то дѣло онъ долженъ совершать послѣдовательно и неуклонно. Вопросы времени занимаютъ его по стольку, по скольку они дѣйствительно затрогиваютъ совѣсть пасомыхъ, такъ что обходя ихъ, пастырь оставитъ совѣсть пасомыхъ въ тяжеломъ недоумѣніи, которое можетъ разрушить работу пастырскаго созиданія.

Если бы пастырь отъликался на всякія злобы дня, какъ газетный фельетонистъ, то погоня за вопросами только лишила бы цѣльности его слово, тогда проповѣдь его была бы выведена не изъ совѣсти пасомыхъ, а посвящена болѣе и менѣе случайнымъ настроеніямъ паствы.

Разрушая эти настроенія, проповѣдникъ въ сущности не достигаетъ ничего;—подкрѣпляя ихъ, если они по своей сущности полезны для совѣсти пасомыхъ, онъ поливаетъ растеніе, корни котораго на поверхности.

Эта погоня за современностью однако только не полезна, бесплодна. Гораздо болѣе опасна и вредна публицистика другого рода.

Есть люди, которые требуютъ, чтобы церковь отдала себя и слово свое *землѣ* именно *въ ея земной жизни*, занялась культуртрегерствомъ, желаютъ, чтобы священникъ отдалъ свое слово подъему культурнаго роста народа, завялся съ кафедръ чуть не лекціями по сельскому хозяйству и гигиенѣ (такія требованія и были), объясненіемъ цѣлей и задачъ всевозможныхъ современныхъ общественныхъ учрежденій и т. д. Очевидно, что такая проповѣдь можетъ быть и полезна, но она *не для священника*. Нельзя служить двумъ господамъ: Богу и мамонѣ. Кто будетъ служить одному—другого ненавидѣть. Тѣмъ болѣе нельзя съ кафедры служить и небу и землѣ.

Конечно, священникъ обязанъ стараться словомъ своимъ уменьшать кругомъ горе и слезы, но только его средства къ этому—нравственное перевоспитаніе людей—созиданіе христіанскихъ началъ жизни; созиданіе любви.

Если бы онъ, оставивши воспитаніе душъ, отдалъ себя оздоровленію тѣла, то не значило бы ли это, что онъ для полезнаго оставилъ существенное?

Публицистъ проповѣдникъ—не нашъ православный проповѣдникъ.

Вмѣшательство со стороны проповѣдника въ дѣла «міра сего» по чисто мірскимъ интересамъ и съ чисто мірскими цѣлями, будетъ незаконнымъ, потому что черезъ это можетъ быть унижено его достоинство, какъ служителя Божія. «Уже не «градомъ, стоящимъ на вершинѣ горы», не «свѣтильникомъ», освѣщающимъ всѣхъ животворнымъ свѣтомъ христіанской истины и добра, будетъ тотъ проповѣдникъ, который станетъ распространять съ церковной кафедры различныя на-

учно-практическія, спеціально-экономическія и т. п. понятія, но простымъ общественнымъ или политическимъ дѣятелемъ, простымъ мірянниномъ въ рясахъ. Сверхъ того, подобное вмѣшательство проповѣдника, по чисто земнымъ соображеніямъ и интересамъ съ его стороны, во внѣрелигіозныя отношенія пасомыхъ необходимымъ слѣдствіемъ своимъ будетъ имѣть преобладаніе въ его слушателяхъ и пасомыхъ, чисто житейскихъ, низменныхъ стремленій и заботъ въ ущербъ духовному ихъ росту, такъ какъ и самъ проповѣдникъ, посвятивши свое вниманіе мірскимъ, житейскимъ дѣламъ и отношеніямъ, необходимо долженъ будетъ увлечься отъ своихъ истинныхъ задачъ, отъ истинныхъ цѣлей своего высокаго служенія. «Никто не можетъ работать двумъ господамъ, такъ какъ одного будетъ любить, а о другомъ станетъ не радѣть», сказалъ Христосъ.

IV.

О изложеніи проповѣди.

Изъ того, что выше сказано объ общихъ принципахъ проповѣди нетрудно вывести, какого мнѣнія держимся мы о способѣ передачи «слова».

Можетъ ли слово, прочитанное по книгѣ, хотя бы и продуманное авторомъ—быть вполнѣ живымъ?

Нѣтъ... Вниманіе автора будетъ приковано къ буквѣ, къ бумагѣ. Подъемъ настроенія будетъ всегда подавляться невозможностью оторваться отъ бумаги боязнью его забыть. При проповѣди, для того, чтобы могъ проявиться даръ живого слова, проповѣдникъ долженъ чувствовать связь съ аудиторіей; ея вниманіе—заинтересованность. Но для этого онъ долженъ слѣдить за слушателями, бесѣдовать *съ своими собесѣдниками*, а не читать—своимъ *ученикамъ*.

Но допустимъ, что проповѣдникъ заучитъ наизусть свою

проповѣдь. Здѣсь будетъ въ слабой мѣрѣ тоже, что при чтеніи на бумагѣ; проповѣдникъ будетъ связанъ заученнымъ словомъ. Онъ не можетъ отгнать и усилить мысль, которая (какъ онъ почувствовалъ уже на кафедрѣ по отношенію слушателей, къ этой мысли) оказалась особенно нужной, — не можетъ повторить, что нужно бы повторить; все время онъ будетъ бояться потерять нить проповѣди.— *Поэтому я полагаю, что проповѣдь должна быть импровизаціей.*

Импровизація не есть экспромтъ.

Экспромтъ-проповѣдь по нуждѣ, по неожиданному случаю. Проповѣдь, которую священникъ впередъ рѣшилъ произнести, должна быть обдуманна въ самыхъ частностяхъ, даже должно запомнить основные тезисы ея; но затѣмъ, выйдя на кафедру, нужно уже *не припоминать, а бесѣдовать на знакомую, хорошо обдуманную въ тиши рабочей комнаты тему.*

Отношенія публики къ мыслямъ проповѣди опредѣляютъ частности проповѣди; возможно, что окажется нужнымъ выдвинуть впередъ то, что при первоначальномъ обдумываніи было въ тѣни, ввести совсѣмъ новую аргументацію. Все это подскажетъ та связь между слушателями и проповѣдникомъ, которая необходимо устанавливается при сердечной бесѣдѣ.

Но для всѣхъ ли возможна импровизація?

Я согласенъ, что есть люди, совершенно неспособные къ устной рѣчи; я знаю людей съ сильнѣйшимъ даромъ литературнаго слога, безусловно талантливыхъ, которые, однако, не могли совсѣмъ говорить публично. Другой вопросъ: могутъ ли они освободиться отъ этого недостатка, или нѣтъ, но пока они не освободились, для нихъ невозможна импровизація.

Надъ такимъ проповѣдникомъ будутъ смѣяться, его не будутъ слушать, а тогда, конечно, проповѣдь его совсѣмъ не достигаетъ своей цѣли.

Оговорюсь! собственно авторъ этихъ строкъ склоненъ думать, что къ импровизаціи способны даже эти «косные языкомъ».

Я утверждаю, что рѣчи косноязычнаго Моисея, сказанная имъ лично, были сильнѣе тѣхъ, которыя онъ говорилъ черезъ Аарона. Всякій, желающій что нибудь сказать искренно, не ради тщеславнаго желанія говорить, а ради слушателей, сумѣетъ говорить, хотя и съ запинками и поправками.

Къ сожалѣнію, по крайней мѣрѣ половина слушателей не могутъ отнестись къ слову съ каедръ съ должной серьезностью, не какъ къ литературному произведенію, а какъ къ благовѣстію или предупрежденію о близкой опасности, которое всегда слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ, кто бы его ни произнесъ.

Но какъ бы ни было, для такихъ слушателей такой ораторъ говорить не можетъ. Въ концѣ концовъ есть нѣкоторая относительная, хотя обидная для слушателей правда въ слѣдующихъ словахъ Арх. Амвросія. Неискусный импровизаторъ, пишетъ преосвященный, будетъ только жалокъ, онъ невольно заставитъ краснѣть за себя и другихъ; его мучительное состояніе и непроизводительное напряженіе довести, хотя кое-какъ, свою убогую рѣчь до конца, будетъ крайне «утомительно и вредно для слушателей». — (Живое слово). Но вѣдь такихъ косныхъ языковъ я думаю и очень немного, большинство не выступаетъ съ импровизаціей положительно изъ предразсудка, изъ ошибочнаго взгляда на передачу проповѣди.

Много ли пастырей, которые не могутъ легко и свободно говорить съ дѣтьми въ школѣ, съ крестьянами въ полѣ, на улицѣ, около постели больного? Что помѣшаетъ имъ также говорить на каедрѣ (если только въ нихъ нѣтъ органической боязни публики)?

Священникъ Бабура, полемизируя съ Тарфевымъ, пишетъ слѣдующаго содержанія строки: «Что касается сужденія о томъ, будто бесѣда съ крестьянами въ полѣ, обученіе дѣтей въ школѣ и иные безчисленные случаи взаимообщенія и обмѣна мыслей пастыря съ пасомыми есть бесѣда съ паствою живою рѣчью, то мы осмѣлимся сказать, что между этимъ живымъ словомъ и тѣмъ словомъ, о которомъ, какъ объ импровизациі съ церковной кафедрѣ, говоритъ Архіепископъ Амвросій,—огромная разница. Это мы утверждаемъ и по личному опыту, и по опыту другихъ. Къ первому слову т. е. къ бесѣдѣ частной съ народомъ, хотя бы и съ отѣнкомъ назиданія, наставленія, способенъ не только всякій пастырь, даже малообразованный, но и каждый благонастроенный и благомыслящій человѣкъ простой; а къ живому проповѣдническому слову, какъ говорено уже, способенъ далеко не всякій пастырь, даже и образованный. Мы часто видѣли и знаемъ многихъ пастырей усердныхъ, достойныхъ, любимыхъ народомъ за добрые совѣты, отеческія указанія и наставленія, даваемые вопрошающимъ по требованію обстоятельствъ; но изъ нихъ за единичными исключеніями не приходилось видѣть тѣхъ, которые, хотя бы удовлетворительно, могли говорить съ церковной кафедрѣ словомъ живымъ, а не по тетрадкѣ».

Я безусловно протестую противъ этихъ строкъ. Чѣмъ же отличается это слово частное отъ слова съ кафедрѣ? И въ частной бесѣдѣ смѣю думать—эти пастыри говорили добрымъ языкомъ, хотя бы простымъ и необработаннымъ—даже болѣе—языкомъ учительнымъ, и большей частью—библейско-церковнымъ.

Отчего же не говорить совершенно также на кафедрѣ?

Очевидно отъ проповѣди требуется что-то особенное, исключительное именно въ смыслѣ обработки изложенія.

Но зачѣмъ?

Боятся, что грубая проповѣдь оскорбитъ слухъ слушателя? Онъ не будетъ очаровывать слушателей—тѣмъ лучше. Я думаю, что проповѣди Пресвященнаго Филарета—далеко не идеаль проповѣди. Отдѣланность формы, филигранность ея, сложность фразы, удивляя читателя—уничтожаетъ впечатлѣніе въ слушатель.

Онъ (слушатель) увлекается эстетической стороною проповѣди, слѣдитъ за переходомъ отъ фразы къ фразѣ и когда уходитъ изъ храма, говоритъ: *какая чудная проповѣдь*, тогда какъ ему слѣдуетъ говорить: *что же дѣлать?* что же мнѣ дѣлать? Не такой была проповѣдь Христа и апостоловъ, гдѣ не было фразы, выдуманной для округленія періода.

Вы, пишеть одному начинающему проповѣднику Дюнану, заботитесь не о душѣ вашего слушателя, чтобъ убѣдить его, а о фразѣ, какъ бы выработать ее получше; въ васъ виденъ профессоръ, писатель, ораторъ, но не видно и не чувствуется апостола. Вы недостаточно проникаете въ сердце, чтобы затронуть и обратить его; вы слишкомъ заняты собою и вашею проповѣдью; форма вашего сочиненія всегда господствуетъ надъ сущностью, иногда даже подавляетъ ее. Между тѣмъ содержаніе должно вдохновлять форму. Не то у васъ; у васъ господствуетъ форма, она связываетъ предметъ и подавляетъ его жизненность. Да не будетъ такъ. *Вы не риторъ, а проповѣдникъ.* Проповѣдь не произведение искусства, пишетъ Бруксъ.—Дѣлать изъ орудія произведеніе искусства, заботиться о формѣ, чеванить желѣзо топора, который будетъ рубить дерево, значить погрѣшать противъ законовъ вкуса. Проповѣдь хотя немного заподозриваемая въ томъ, что упустили изъ виду свою цѣль, что она составлена въ иныхъ видахъ, чѣмъ спасеніе душъ—оскорбляетъ вкусъ дѣйствительно чуткій и нагоняетъ скуку на обыкновенныхъ

слушателей. Они созвуютъ несоотвѣтствіе ея, хотя не могутъ этого объяснить. И многіе пастыри, несомнѣвающіеся въ истинной цѣли проповѣди и думающіе, что проповѣдуютъ только для блага душъ, уничтожаютъ значеніе своихъ проповѣдей, такъ какъ пытаются иногда, не сознавая этого, создать изъ нихъ вѣчто иное, чѣмъ проповѣдь т. е. произведенія искусства. Есть старинное слово, которое, если не ошибаюсь, вышло у насъ изъ употребленія. Прежде говорили— о комъ либо, что онъ «сочиняетъ проповѣди», приблизительно въ томъ смыслѣ, какъ говорятъ о музыкальномъ композиторѣ—подбираетъ тоны, комбинируетъ аккорды. Должно желать, чтобы вмѣстѣ съ исчезнувшимъ словомъ («сочинитель проповѣдей») исчезло и понятіе. Ненужно сочинительства въ проповѣди, подбора эффектовъ. Проповѣдь—это *только* бесѣда, *только*. На этомъ особенно настаиваетъ Фенелонъ и мы искренно присоединяемся къ нему. Мы окончили свои слабые наброски, но крайней мѣрѣ, на время откладываемъ ихъ продолженіе.

Боямся только, всегда ли ясно мы высказали свою мысль. И такъ—dixi. Такъ какъ въ своихъ гомилетическихкихъ взглядахъ очень мы многимъ обязаны Фенелону, то хотимъ и закончить однимъ его совѣтомъ: *«проповѣдники, не говорите на французскомъ языкѣ по латыни, не слишкомъ злоупотребляйте славянщиной»*.

I. Михаилъ.

Образовательная поѣздка на Кавказъ воспитанниковъ духовной семинаріи.

На святкахъ прошлаго учебнаго года для учащихся Воронежской духовной семинаріи была организована образовательная поѣздка въ Москву.

Эта поѣздка, въ которой участвовало 16 воспитанниковъ, сопровождалась большимъ успѣхомъ. Учащіеся за незначительную сумму (около 14 руб.) пробыли въ Москвѣ 8 дней; осмотрѣли ея святыни и достопримѣчательности; посѣтили также Троице-Сергіеву лавру и находящіеся около нея скиты.

Успѣхъ первой поѣздки и ея несомнѣнная польза для развитія учащихся побудили организовать вторую образовательную поѣздку воспитанниковъ семинаріи на Кавказъ.

Таковая и была совершена нынѣшними лѣтними каникулами. На этотъ разъ въ поѣздкѣ участвовало 15 учащихся при трехъ сопровождающихъ лицахъ учительскаго персонала. Кромѣ того продолжительное время въ поѣздкѣ участвовалъ и инспекторъ семинаріи.

Экскурсанты выѣхали изъ Воронежа 14 Іюня, послѣ напутственнаго молебна, совершеннаго въ семинарской церкви о. Ректоромъ и о. духовникомъ семинаріи, при чемъ о. Ректоръ обратился къ отправляющимся въ экскурсію воспитанникамъ съ рѣчью, въ которой, сказавши объ образовательномъ значеніи путешествій, преподаль отправляющимся нѣсколько добрыхъ совѣтовъ.

Экскурсантамъ отведено было отдѣленіе вагона, гдѣ они и расположились съ большими удобствами. Главнымъ развлеченіемъ въ вагонѣ былъ чай, истребляемый въ огромномъ количествѣ. Въ промежуткахъ читали книжку С. Меча о Кавказѣ, о природѣ страны, о флорѣ и фаунѣ, о нравахъ жителей. Все написанное здѣсь еще болѣе подогрѣвало желаніе учащихся скорѣе увидѣть Кавказъ; этому способствовали и рассказы сопровождающихъ, путешествовавшихъ уже по Кавказу. Хотѣлось скорѣе увидѣть горы, море... Всѣ разговоры вращались около нихъ. Вечеромъ, когда спадаль жаръ и въ окна вагона глядѣла тихая степь, на всѣхъ находило какое то хорошее, задумчивое настроеніе, и тогда начиналось безконечное пѣніе.

По дорогѣ компанія пополнялась учениками, уже по-

бывавшими въ родныхъ домахъ. Но вотъ она и въ полномъ составѣ.

А въ окна вагона все глядитъ однообразная, необъятная степь.

Только на другой день по выѣздѣ изъ Воронежа, подъ Ростовомъ картина на время измѣнилась. Поѣздъ проходитъ черезъ Донъ. Красивая, довольно широкая рѣка полна движенія; по ней снуютъ пароходы, парусныя лодки... Послѣ однообразнаго вида степи глазъ не можетъ оторваться отъ этой картины.

Самый Ростовъ на этотъ разъ экскурсанты видятъ только издали, въ надеждѣ побывать въ немъ на обратномъ пути.

Снова степь... Но вотъ между учащимся движеніе; всѣ толпятся къ окнамъ вагона. Что такое?—Цѣлое стадо верблюдовъ важно шествуетъ по степи. Это картина учащимся уже всецѣло незнакомая. Въ вагонахъ стали появляться туземныя кавказскія фізіономіи, характерныя костюмы. Еще на слѣдующій день изъ вагона уже видны небольшіе горные отроги. Но самыхъ горъ нѣтъ какъ нѣтъ. Въ хорошую погоду онѣ должны быть видны уже послѣ Армавира, но день какъ нарочно облачный, туманный. Приходится терпѣть и ждать.

Только предъ станціей «Минеральныя воды» быстро начали выскакивать изъ тумана одна за другою вершины горъ: Кабанъ—гора, Лысая, Змѣвая. А тамъ показались и Бештау съ Машукомъ. Среди учащихся необыкновенное оживленіе. Они быстро узнаютъ названія горъ и передаютъ другъ другу.

Но вотъ и станція «Минеральныя воды». Экскурсанты пересаживаются въ небольшіе, изящные, свѣтлые вагоны минераловодскаго поѣзда и мчатся въ Пятигорскъ. Замѣтно, какъ поѣздъ сначала идетъ вверхъ, а потомъ стремительно спускается...

Пятигорскъ встрѣтилъ путешественниковъ непривѣтливо: шелъ сильный дождь. Однако на вокзалѣ было замѣтно особенное оживленіе: сновали официальные лица, предъ вокза-

ломъ была выстроена сотня казаковъ съ музыкой. Ожидался бухарскій Эмиръ.

На улицахъ Пятигорска было грязно.

Большого труда стоило отыскать квартиру, особенно для такой большой компаніи.

Но всему бываетъ конецъ. Найдена была для экскурсантовъ квартира съ большой террасой, замѣняющей корридоръ.

До вечера они обсушивались, чистились, пили чай и разсуждали, какъ будетъ скверно, если такая погода простоятъ долго, и курорты для нихъ будутъ потеряны.

Къ счастью, дождь къ вечеру пересталъ, и экскурсанты могли выйти изъ квартиры. Они осмотрѣли памятникъ Лермонтову, полюбовались открывающимся отсюда видомъ на городъ, и бульварами отправились къ провалу, на пути посѣтивши гротъ Лермонтова. По удобной, обсаженной деревьями, дорогѣ они скоро достигли цѣли своего путешествія. Ихъ встрѣтили своей своеобразной музыкой и пѣніемъ Кавказскіе туземцы, играющіе около ресторана при провалѣ. Въ проходѣ къ провалу было совсѣмъ темно. Темнота много отнимала красоты и отъ самаго провала. Проводникъ зажегъ свѣчу, отъ огня шарахнулись со стѣнъ летучія мыши. И при относительной темнотѣ провалъ произвелъ на учащихся большое впечатлѣніе.

Тутъ же было рѣшено завтра снова прійти сюда. На обратномъ пути путешественники долго сидѣли на галлерей у Елизаветинскихъ ваннъ. Предъ ихъ глазами былъ весь Пятигорскъ, залитый огнями; изъ ресторановъ неслись звуки музыки; съ бульваровъ слышался гулъ толпы. Во всемъ давалъ себя знать бойкій курортъ.

Только къ ночи возвратились экскурсанты въ свои номера.

На слѣдующій день, рано утромъ, ученики толпились уже на терасѣ. Утро было погожее; солнце радостно обливало прекрасную панораму природы; отъ вчерашняго дождя и тучъ и не осталось и слѣда. На горизонтѣ ярко блестѣла,

отдавая розоватымъ оттѣнкомъ, цѣпь кавказскихъ горъ и между ними—великанъ, красавецъ двухвершинный Эльбрусъ. Это-то и привлекало вниманіе экскурсантовъ.

Наскоро напившись чаю, они вышли изъ дому. Сначала они зашли и осмотрѣли соборъ, довольно вмѣстительный, свѣтлый, блестящій позолотою иконостаса.

Затѣмъ рѣшено было взобраться на Машукъ. По хорошей тропѣ, обсаженной деревьями, подниматься легко. Но для учащихся она кажется слишкомъ длинной и ненужной, они прямо карабкаются наверхъ и далеко опережаютъ идущихъ по тропѣ. Съ каждымъ шагомъ перспектива расширяется, открываются новые виды.

Недалеко уже до вершины. Въ сторонкѣ отъ тропы откуда открывается чудный видъ на окрестности, стоитъ каменный крестъ. Это могила извѣстнаго русскаго альпиниста Пастухова, достигавшаго вершинъ Казбека и Эльбруса. Хорошее мѣсто выбралъ для себя покойный любитель природы: предъ нимъ вся панорама Кавказскихъ горъ.

Но вотъ они и на вершинѣ. Какъ здѣсь хорошо! Какой просторъ кругомъ! Предъ глазами всѣ вершины ближнихъ горъ: вотъ красивый, многоглавый Бештау, дальше—Желѣзная гора, Развалка, Змѣиная, прямо противъ нихъ горы Юца и Джуца, какъ два близнеца. А вдали протянулась цѣпь снѣговыхъ горъ, на первомъ планѣ которыхъ—могучій Эльбрусъ. Подъ нашими ногами—Пятигорскъ. Отъ него ползеть въ гору поѣздъ, оставляя послѣ себя полосу дыма. Долго любовались экскурсанты разстилавшейся предъ ними картиной. Но нужно было спускаться. Утоливши немного жажду въ находящемся здѣсь ресторанѣ, экскурсанты бодро поспѣшили внизъ, не разбирая уже дороги.

Спустившись, они направились къ провалу, чтобы осмотрѣть его при дневномъ освѣщеніи. Днемъ онъ грандіозлѣе и эффектнѣе. Учащіеся сдѣлали съ него фотографическій снимокъ. Отъ провала путешественники прошли на Горячую

гору, полюбовались открывавшимся оттуда видомъ изъ бесѣдки съ разноцвѣтными стеклами, сообщающими оригинальное освѣщеніе растилающимся внизу картинамъ, потомъ спустились въ Николаевскій цвѣтникъ—центръ время препровожденія нарядной курортной публики—и отправились обѣдать.

Послѣ обѣда экскурсанты не безъ труда отыскали домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ въ 1837—1841 годахъ. Онъ находится на окраинѣ города, внутри дѣбра и представляетъ изъ себя небольшой деревянный жилой флигель. О пребываніи въ свое время здѣсь Лермонтова свидѣтельствуетъ доска.

Припомнивши нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни поэта, они посѣщили отыскать мѣсто его дуэли.

Долги шли они по жарѣ и стали не въ шутку утомляться, когда, обогнувши Машукъ, увидѣли памятникъ, сооруженный на предполагаемомъ мѣстѣ дуэли 15 Іюля 1901 года. Прежде здѣсь стоялъ лишь небольшой сѣрый камень съ фамиліей поэта. Теперь этотъ камень находится на площадкѣ памятника. Самый памятникъ представляетъ изъ себя полукруглую колоннаду, въ центрѣ которой находится на высокомъ постаментѣ бюстъ писателя.

Грустныя чувства возбуждаетъ это мѣсто.

Кругомъ такъ хорошо, такъ дивно, природа такъ щедра на свои дары, что рѣшительно не миришься съ мыслью о смерти, тѣмъ болѣе смерти насильственной и надъ самимъ собою—смерти великаго и дорогого для соотечественниковъ чловѣка.

При памятникѣ находится сторожка, гдѣ предлагаютъ для посѣтителей книгу. Книга содержитъ въ себѣ массу записей впечатлѣній, есть записи интересныя и умныя, но еще болѣе безграмотныхъ и нелѣпыхъ. Изъ записей въ книгѣ можно видѣть, какое количество совершается теперь ученическихъ экскурсій, и, очевидно, многіе не забываютъ этого уголка. Записали здѣсь и наши экскурсанты свои имена.

Отъ памятника Лермонтова они поспѣшили на станцію ж. дороги, чтобы отправиться въ Желѣзноводскъ.

Черезъ часъ они были уже тамъ. Прошлись по парку мимо главной галереи,—очень изящнаго зданія, съ массою свѣта.

Затѣмъ часть экскурсантовъ отправилась осматривать парковыя сооруженія, часть же—на Желѣзную гору. Съ этой горы прекрасный видъ на ближнія горы, на степь; на фонѣ солнечнаго заката картина представлялась замѣчательно эффектной.

Когда они сошли съ горы, было уже совсѣмъ темно. Всѣ отправились по ж. дорогѣ домой, въ Пятигорскъ.

На слѣдующій день экскурсанты рѣшили разстаться съ своей квартирою, перевезли свои вещи на станцію жел. дороги, отдали ихъ на храненіе, а сами на весь день отправились въ Кисловодскъ.

Здѣсь они сначала осмотрѣли роскошный курзаль, а потомъ отправились въ галерею Нарзана.

Конечно, прежде всего экскурсантовъ привлекъ источникъ Нарзана. Попробавъ вкусной минеральной воды, полюбовавшись, какъ онъ бурлитъ подъ колпакомъ, нѣкоторые пріобрѣли себѣ виды Кавказа, въ изобиліи продающіеся въ галереѣ.

Въ паркѣ было довольно пустынно: съѣздъ только что начинался. Учащіеся прошлись по липовой аллеѣ, идущей параллельно рѣчкѣ Ольховкѣ, полюбовались «стекляной струей», красиво бѣгущей изъ высоко лежащаго пруда, посидѣли на великокняжеской скамейкѣ, взошли на «Царскую площадку».

Съ болѣе красивыхъ мѣстъ нашими фотографами-любителями сдѣланы снимки. Послѣ осмотра парка пошли обѣдать; гостепріимный хозяинъ за обѣдомъ притащилъ цѣлое ведро «Нарзана», которымъ экскурсанты и угощались на славу.

Пообѣдавъ они рѣшили предпринять довольно продолжительную прогулку къ т. наз. «Замку коварства и любви» —

и не раскаялись. Путешествіе это осталось однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній объ экскурсіи.

Дорога къ «замку» сначала шла по равнинѣ, затѣмъ встрѣтилась рѣчка. Часть перешла ее въ бродъ, часть подѣла на проѣзжавшія телѣги, запряженныя волами. Скоро началась холмистая мѣстность; холмы перешли въ скалы, образующіе ущелье. Между ними быстро несется и бурлитъ рѣчка. Скалы порой принимаютъ самую причудливую форму. Вездѣ чувствуется непосредственная грандіозность природы, которой не коснулась рука человѣка. Чѣмъ дальше путешественники шли, тѣмъ природа становилась живописнѣе. Каждый шагъ такъ и просился въ фотографическій аппаратъ. Наконецъ, вотъ и самый «замокъ». Это—рядъ нагроможденныхъ другъ на друга скалъ, отчасти вывѣтрившихся, до половины высоты покрытыхъ лѣсомъ, который издали кажется кустарникомъ.

Но, Боже, какъ здѣсь хорошо! Насколько могущественнѣе природа въ сравненіи съ искусствомъ человѣка! Что въ сравненіи съ этой мѣстностью всѣ прилизанные парки и бесѣдки!

Человѣкъ здѣсь только сумѣлъ опошлить природу. Не доходя до «замка» стоитъ грязная сторожка съ курятниками, съ развѣшеннымъ тряпьемъ; предъ «замкомъ» невзрачный рестораникъ съ бесѣдочками; для привлеченія публики въ небольшомъ скверикѣ посажены на цѣпь полуживые медвѣженокъ и орель; на клумбочкахъ поставлены какіе то наивные бюстики. На площадкѣ у «замка» завывають и пляшутъ содержимые рестораномъ полушьяные сарты. А кругомъ такая красота!

Утоливши свою жажду чаемъ, экскурсанты взобрались на самый «замокъ». Любителю сильныхъ ощущеній это должно доставить большое наслажденіе, кругомъ—куда не глянешь—пропасть. Охотники до увѣковѣченія своего имени не оставили и здѣсь ни одного камня въ покоѣ... Вездѣ красуются никому не извѣстныя фамиліи.

Вдоволь налюбовавшись мѣстностью, экскурсанты отправились въ обратный путь. Насталъ прекрасный, тихій лунный вечеръ, сообщившій еще болѣе поэтической характеръ мѣстности, а вмѣстѣ съ этимъ и общему настроенію.

Въ Кисловодскѣ путешественники возвратились уже поздно, но не могли отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ напиться въ галереѣ Нарзана и посмотрѣть на «стеклянную струю» при электрическомъ освѣщеніи. Помѣщенные за струей растенія, съ скрытыми въ нихъ разноцвѣтными электрическими лампочками, представляли очень эффектный видъ.

Но пора было спѣшить къ поѣзду.

Скоро экскурсанты выѣхали изъ Кисловодска и, захвативши свои вещи на Пятигорскомъ вокзалѣ, отправились на ст. «Минеральныя воды», чтобы оттуда пересѣсть на поѣздъ, отправляющійся во Владикавказъ, и продолжать свое путешествіе.

Утромъ 19 Іюня экскурсанты были во Владикавказѣ. Здѣсь имъ предоставлена была квартира въ мѣстномъ духовномъ училищѣ. Обѣдали и пили чай въ училищномъ саду подъ развѣсистыми деревьями.

Въ Владикавказѣ экскурсанты прежде всего сходили въ баню, а потомъ начали знакомиться и съ городомъ.

Достопримѣчательностями Владикавказъ не богатъ; это городъ—юный по возрасту; сталъ онъ городомъ лишь въ 1860 году. Черезъ три года онъ сталъ административнымъ центромъ Терской области. Жителей въ немъ считается около 50 тысячъ, но производитъ онъ впечатлѣніе довольно соннаго города.

Учащіяся осмотрѣли здѣсь соборъ—небольшихъ размѣровъ и не представляющій ничего замѣчательнаго. Гораздо больше понравилась имъ Братская церковь. Она деревянная, но очень вмѣстительная и свѣтлая; въ ней нѣтъ колоннъ, часто загромаждающихъ храмы и дѣлающихъ ихъ тѣсными.

Содержитъ церковь и принимаетъ непосредственное участіе въ церковныхъ дѣлахъ—братство, отъ него зависитъ, между прочимъ, и выборъ священниковъ. Вообще, это очень рѣдкій въ Россіи типъ церквей во всѣхъ отношеніяхъ.

Потомъ осмотрѣли интересный памятникъ рядовому Архию Осипову, въ 1840 году взорвавшему Михайловское укрѣпленіе, достававшееся уже неприятелю.

Самъ Осиповъ погибъ при этомъ. За геройскій подвигъ онъ удостоился не одного памятника: на ежедневныхъ перекличкахъ въ 1 баталіонѣ Тенгинскаго полка первымъ солдатомъ всегда выкликается Осиповъ, при чемъ слѣдующій за нимъ солдатъ отвѣчаетъ: «погибъ во славу русскаго оружія». Въ 60 в. отъ Геленджика селеніе, находящееся на мѣстѣ, гдѣ прежде было Михайловское укрѣпленіе, носить имя Осиповки, посреди селенія стоитъ другой памятникъ Осипову, въ видѣ креста. Владикавказскій памятникъ увѣнчанъ орломъ, держащимъ въ клювъ лавровый вѣнокъ.

Чѣмъ можетъ гордиться Владикавказъ,—такъ это прекраснымъ мѣстомъ для гулянья—Ерофѣевскимъ паркомъ или такъ наз. «трѣномъ велосипедистовъ». Дѣйствительно, прелестный уголокъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ онъ на экскурсантовъ въ первое посѣщеніе его.

Въ паркѣ устроенъ искусственный обширный прудъ, посреди котораго возвышается островокъ. По пруду скользятъ лодки съ катающимися. На большой площадкѣ устроена красивая ротонда, откуда несутся звуки музыки. Предъ ротондой танцуютъ дѣти.

Все это залито обильнымъ электрическимъ свѣтомъ. А вдали реветъ Терекъ. Паркъ наполненъ гуляющей толпой. Аллея изъ парка ведетъ къ самому Тереку. Хорошо сидѣть на его берегу и смотрѣть, какъ онъ бѣшено мчится, разбиваясь о камни и разлетаясь тысячами брызгъ. За Терекомъ виднѣются горы, между которыми особенно красиво выдается Столовая гора усѣченной вершиной, оправдывающей своимъ видомъ названіе горы.

Во Владикавказѣ много священниковъ изъ бывшихъ Воронежскихъ семинаристовъ. Они, узнавъ о прибытіи Воронежцевъ, посѣщали ихъ и очень сочувственно относились къ своимъ землякамъ. Одинъ изъ нихъ, о. І. Поповъ подарилъ учащимся цѣлую кучу брошюръ о главнѣйшихъ кавказскихъ горахъ, о восхожденіи на нихъ, свою брошюру: «Нѣсколько дней у о. Іоанна Кронштадтскаго», альбомъ видовъ Кавказа и др. Книжки эти рѣшено отдать въ ученическую бібліотеку. Этому священнику—охотнику до экскурсій—очень хотѣлось составить соединенное путешествіе на Девдоракскій ледникъ вмѣстѣ съ нѣсколькими ставропольскими семинаристами. Но, къ сожалѣнію, проактъ этотъ не осуществился.

Давно уже экскурсантовъ смущали слухи, что въ горахъ идутъ дожди. При нашемъ пріѣздѣ во Владикавказъ слухи эти подтвердились. Оказалось, что ливнями уничтожена совершенно часть пути въ началѣ Дарьяльскаго ущелья.

Военно-грузинскую дорогу рѣшено было пройти пѣшкомъ, но необходима была все таки подвода для багажа. Это долгое время, въ виду тревожныхъ слуховъ, и не возможно было достать. Вмѣсто предполагаемаго одного дня пришлось во Владикавказѣ пробыть три дня. Это же обстоятельство разстроило и предполагавшееся общее путешествіе. Экскурсанты принуждены были расстаться съ своими коллегами и любезнымъ батюшкою, который на прощаніе прочиталъ намъ цѣлый привѣтственный адресъ, —и терпѣливо ждалъ лучшихъ обстоятельствъ.

Только 22 Іюля экскурсантамъ удалось, наконецъ, оставить Владикавказъ и продолжить свой путь.

Въ этотъ день они встали въ 4 часа утра. Насъ уже ожидалъ фургоны, запряженный четверкою лошадей и такой вмѣстительный, что не только въ него безъ труда вошли всѣ ихъ пожитки, но и сами они могли въ него, въ случаѣ усталости, присѣсть. За фургономъ бодро шагали экскурсанты. Шествіе скоро покинуло городъ и по шоссе направилось въ горы.

Утро было погожее, хорошее. Солнце ласково освѣщало манившія къ себѣ горы. У всѣхъ было бодрое, живое настроеніе. Всѣ такъ много начитались про Дарьяльское ущелье, про всю военно-грузинскую дорогу. И вотъ теперь пришло время увидѣть все своими глазами.

Дорога за Владикавказомъ пошла по красивой равнинѣ, а горы все бѣжали впередъ.

Съ лѣвой стороны потянулись красивыя полянки, окруженныя деревьями, подъ деревьями было тѣнисто и прохладно; на травѣ сверкали капли росы. Далѣе экскурсанты прошли лагерь, гдѣ дядьки дѣлали репетицію ученя солдатъ и громко ругались. Затѣмъ пошли различныя увеселительныя садики.

Но вотъ и горы. Сначала онѣ не высокія и покрыты лѣсомъ. Затѣмъ горы становятся выше и лѣсъ постепенно исчезаетъ.

Экскурсанты прошли духанъ, съ заманчивой вывѣской въ восточномъ духѣ: «не уѣзжай голубчикъ мой, но заѣзжай повеселиться въ садикъ мой». На зазывательныя вывѣски «восточныя человѣчки» большіе мастера. Во Владикавказѣ путешественники видѣли на одной изъ будочекъ печатный плакатъ такого рода: «въ будкѣ № 7 симпатичный Али торгуетъ разной фруктой».

Миновали заставу, гдѣ съ экскурсантовъ взяли шоссейный сборъ, и они уже на первой станціи «Балта». Здѣсь они расположились въ станціонномъ садикѣ, достали изъ своихъ довольно основательныхъ запасовъ разныхъ яствъ, чаю и сахару и принялись за чаепитіе и закуску.

Подкрѣпившись, они двинулись далѣе. Мѣстность съ каждымъ шагомъ становилась живописнѣе. Ущелье стало суживаться, сталъ замѣтенъ подъемъ въ гору; скалы стали сдвигаться и становиться грандіознѣе. Терекъ, ставшій спутникомъ экскурсантовъ еще на 8 верстѣ отъ Владикавказа, начинаетъ бурлить не на шутку.

Интересъ къ пути усиливается. Смущаетъ только то обстоятельство, что вершины горъ начинаютъ заволакиваться облаками; ими же полны и встрѣчающіеся ущелья.

Версть черезъ 8 послѣ Балты экскурсанты вступили въ Джераховское ущелье и съ удивленіемъ остановились.

Отъ шоссейной дороги нѣтъ и слѣда. Гдѣ она была, тамъ реветъ Терекъ. Онъ затопилъ стоящее здѣсь укрѣпленіе и разрушилъ одну изъ его башенъ. Картина полного разрушенія! У начала поврежденной дороги стоятъ распряженные арбы; кой-гдѣ лѣниво роются туземцы, поправляя дорогу.

Какъ тутъ быть? Возвращаться назадъ—постыдно. Возница—молоканинъ—храбро начинаетъ направлять фургонъ на горный отрогъ, учащіеся помогаютъ лошадямъ поднять тяжелый фургонъ наверхъ, и онъ медленно вползаетъ на гору мимо аула ингушей, съ любопытствомъ смотрящихъ на трудящуюся компанію, мимо кладбища съ оригинальными памятниками. Сверху видно, какъ внизу двигаются какія—то фигуры. Экскурсанты всматриваются, это батюшка о. Іоаннъ съ Ставропольскими семинаристами возвращается уже съ Девдоракскаго ледника. Воронежцы обмѣнялись съ ними поклонами.

Не малаго труда стоило и спустить фургонъ съ крутого отрога. Путешественники вздохнули полной грудью, когда почувствовали подъ собой опять настоящую дорогу.

Одно препятствіе было обойдено, но главное ожидало еще впереди.

Джераховское ущелье становится все уже и уже; угрюмо смотрять со скалъ развалины старыхъ башенъ. Вдали виднѣется поселеніе. Это такъ называемый старый Ларсъ; до станціи отсюда еще 3 версты. Но возница изъявляетъ намѣреніе здѣсь почевать; хотя было еще часовъ 5 вечера: здѣсь по его словамъ, можно было найти сносный ночлегъ. Отдохнувши, какъ слѣдуетъ, съ ранняго утра, по его плану, нужно будетъ выскивать способы—перебраться черезъ опасное мѣсто.

Пужинали и напились чаю... Осмотрѣли находящейся вблизи небольшой водопадъ, сползали къ полуразрушенной башнѣ... Теперь оставалось только спать. На дворѣ пошелъ довольно крупный дождь. Сдѣлалось сумрачно и прохладно. Погода рѣзко измѣнилась. Кой-какъ экскурсанты расположились на отдыхъ въ одной комнатѣ: кто на нарахъ, кто на столѣ, а кто и на полу.

Спать, особенно при такихъ условіяхъ, съ непривычки, не хотѣлось.

Интересовало и то, въ какомъ состояніи находится опасное мѣсто, черезъ которое такъ или иначе намъ нужно будетъ пробраться.

Руководитель экскурсіи предложилъ желающимъ отправиться на станцію, а затѣмъ дойти и до злополучнаго мѣста. Съ нимъ вызвались идти три воспитанника. Запаслись плащами и подъ крупнымъ дождемъ зашагали они къ станціи. Надъ ними висѣли громадныя скалы изъ плитъ чернаго шифера, стоящихъ ребромъ; въ сторонѣ ревѣлъ Терекъ, кой гдѣ значительно смывшій дорогу. По произведеннымъ разрушеніямъ видно было, что недавно онъ достигалъ значительной высоты, теперь разливъ сократился, но все таки онъ былъ буренъ и грозенъ.

Около самой станціи «Ларсъ» путники увидали громадный камень, около котораго особенно бурлилъ Терекъ.

Это—камень Ермолова, названный по имени знаменитаго завоевателя Кавказа потому, что онъ часто сиживалъ, по преданію, на этомъ камнѣ.

Не прошли путники и полверсты за ст. «Ларсъ», какъ увидали большое скопленіе арбъ, каретъ, лошадей. Ямщики—грузины и туземцы страшно шумѣли и волновались. Терекъ неистовствовалъ. Впереди горѣли и трещали факелы, придававшіе фантастическій видъ всей этой картинѣ. Это и было мѣстомъ, гдѣ Терекъ оборвалъ совершенно дорогу; вмѣсто дороги оказалась голая, отвѣсная скала, которую съ яростью

лизаль Терекъ. Кой какъ удалось подойти поближе. Въ скалу были вбиты желѣзные крючья; къ нимъ привязаны веревки, а къ веревкамъ были прикрѣплены доски. Вотъ эти доски и служили пока единственнымъ средствомъ переправы.

Пассажиры, слѣдовавшіе на перекладныхъ и въ срочныхъ каретахъ, переходили здѣсь и пересаживались на ожидавшія ихъ другія подводы.

Но экскурсантамъ необходимо было переправить свой громоздкій фургонъ. Дѣло значительно осложнялось. Съ тревожными думами отправились путники домой. Около станціи нагналъ руководителя верхомъ на лошади возница и сказалъ, что фургона не пропустятъ, если онъ не попроситъ объ этомъ инженера. Инженеръ былъ на станціи. Руководитель обратился къ нему «съ покорнѣйшей просьбой» о пропускѣ. Онъ обѣщаль исполнить эту просьбу, сказавши, что сейчасъ придетъ къ переправѣ. Путники подъ дождемъ снова отправились туда, но ожиданіе ихъ, довольно продолжительное, — что вотъ-вотъ явится инженеръ, оказалось тщетнымъ. Опять поплелись они на станцію. Тутъ въ окно они увидели, что инженеръ играетъ себѣ въ карты и, очевидно, забылъ о своемъ намѣреніи — оказать экскурсантамъ свое содѣйствіе. Опять пришлось его вызывать. На этотъ разъ онъ разсыпался въ любезныхъ извиненіяхъ, но сказалъ, что такъ за день утомился, что не можетъ двинуться съ мѣста, и совѣтоваль намъ обратиться отъ его имени къ какому-то «хромому кузнецу».

Съ этимъ и пришлось стравиться домой — возница верхомъ на лошади впереди, руководитель съ учениками за нимъ — всѣ мокрые отъ дожда, который не переставаль лить. Сдѣлалось совсѣмъ темно; путники не видѣли даже другъ друга и то и дѣло вязли въ грязи или заходили въ ручьи, образовавшіеся отъ дожда. Положеніе было не изъ блестящихъ. Одинъ изъ спутниковъ смалодушествоваль и сталъ роптать на свою участь.

Съ облегченіемъ вздохнули путешественники, когда, наконецъ, увидѣли огоньки деревни.

Всѣ измокшіе и продрогшіе возвратились они на мѣсто ночлега. Руководитель досталъ изъ дорожной аптечки предохранительныя средства отъ простуды и предложилъ ходившимъ съ нимъ ученикамъ воспользоваться ими, опасаясь послѣдствій неблагоприятнаго путешествія.

Было уже часовъ одиннадцать. Въ комнатѣ было тѣсно и жарко. Не спалось.

Въ два часа возница былъ уже на ногахъ и сталъ всѣхъ будить, чтобы скорѣе, до начала работъ по прокладыванію новаго пути, перебраться черезъ переправу. Скоро всѣ мы были на ногахъ. На дворѣ еще темно и туманно, облака ползутъ по горамъ, наполняютъ все ущелье. Льетъ дождь. А тамъ вдругъ еще загремѣлъ громъ и гулко прокатился по ущелью. Ослѣпительная молнія освѣтила все кругомъ. И опять громъ.

Картина была грандіозная... Но нѣкоторымъ было не до картинъ.

Мѣся грязь, поливаемые дождемъ, экскурсанты, наконецъ, добрались до мѣста переправы.

Здѣсь, съ помощью нѣсколькихъ грузинъ, возница сталъ распрягать лошадей и разбирать по частямъ фургонъ. Экскурсанты черезъ доски, укрѣпленныя на томъ мѣстѣ, гдѣ ранѣе пролежала дорога, а теперь была одна лишь скала, которую лизалъ бушующій Терекъ, начали перетаскивать свои вещи.

Прошло не мало времени, пока вся процедура была кончена: части фургона были перенесены и опять соединены, вещи сложены въ фургонъ. Но вотъ,—наконецъ путешественники двинулись съ радостнымъ сознаниемъ, что главное препятствіе преодолено.

Удручало экскурсантовъ только то обстоятельство, что облака не разсѣвались, что Дарьяльское ущелье приходится созерцать не на свѣтломъ фонѣ солнечнаго утра, но—среди тусклыхъ осеннихъ сумерекъ.

А Дарьяльское ущелье уже началось. Дорога очень замѣтно поднимается выше и выше. Справа и слѣва высятся

каменные громады, иногда висящія прямо надъ головами. Отъ Терека стоитъ непрерывный гулъ. Все ущелье застлано облаками, которыя не позволяютъ видѣть вершины горъ. Видно только, какъ облака постоянно скапливаются между горами, и тогда снова и снова путниковъ обдаетъ дождемъ.

Вотъ знаменитый „замокъ Тамары“ — развалины старинной крѣпости — высіяся на красивомъ горномъ отрогѣ. Противъ него казацкій пикетъ, а поближе къ скаламъ расположился духанъ. Щедшіе впереди, полюбовались „замкомъ“, вспомнили извѣстное стихотвореніе Лермонтова и съ полнымъ одобреніемъ отнеслись къ существованію здѣсь духана, хотя, конечно, въ другое время нашли бы, что онъ оношливаетъ собою грандіозный ландшафтъ. Здѣсь они могли обогрѣться и напиться горячаго чаю, что и не замедлили сдѣлать.

У путешественниковъ оказался интересный собесѣдникъ — ингушъ, охотникъ за турами. Это былъ бѣдно одѣтый, но гордый и красивый представитель племени, которое сдѣлало массу непріятностей русскимъ завоевателямъ края. Туры — горные бараны ютятся по неприступнымъ скаламъ и крайне пугливы, но истые охотники изъ ингушей не останавливаются предъ этимъ: «я вездѣ могу ходить, гдѣ туръ ходить» — говорилъ охотникъ. О его ловкости достаточно свидѣтельствовалъ тотъ фактъ, что онъ только что продалъ живого туренка. Изловить живого тура — это дѣло, требующее невѣроятной ловкости. Однако, несмотря на массу опасностей, охотники выручаютъ не много, рублей 70 въ годъ — самое большое, по словамъ собесѣдника.

Больше всего у тура цѣнятся рога, ихъ продаютъ за два — за три рубля. Но и тутъ у охотниковъ являются посредники въ видѣ различныхъ буфетчиковъ, духанщиковъ и т. п., въ руки которыхъ и попадаетъ львиная доля. ¹⁾

¹⁾ Ингуши — отрасль чеченцевъ. Всѣ они — магометане, живутъ очень бѣдно и непріхотливо, но въ то же время — это крайне безпокойное, отважное

Подкрѣпившись чаемъ съ хлѣбомъ, путники бодрѣе зашагали впередъ.

Предъ ними—широкое Девдорацкое ущелье, знаменитое своими страшными обвалами. Въ солнечный ясный день въ глубинѣ его виднѣется во всемъ величїи Казбекъ, но теперь здѣсь стоитъ густой туманъ. Съ грустью экскурсанты прошли и сторожевой домикъ около Гулетскаго моста, отъ котораго взбираются по тропѣ на Девдорацкій ледникъ.

О посѣщенїи его въ такую погоду не могло быть и рѣчи.

Дорога все поднимается, и Дарьяльское ущелье открываетъ все новыя красоты. Терекъ уходитъ внизъ и шумитъ уже въ глубокой пропасти; дорога высѣчена въ скалахъ, скалы повисли надъ головой. Подъ конецъ ущелья экскурсанты долгое время видятъ предъ собой красивую котловину.

Начинается небольшой спускъ, и путники около станціи Казбекъ, расположенной на высотѣ 5,681 фута надъ уровнемъ моря.

Экскурсанты испытывали чувство досады, что переходъ чрезъ это чудное ущелье совершился при неблагоприятныхъ условїяхъ.

Когда они подходили къ станціи, въ грузинской церкви аула Казбекъ звонили уже къ обѣднѣ: было воскресенье. Погода исправилась; сквозь облака выглянуло солнце и освѣтило окрестности. При блескѣ его лучей вдали показался весь бѣлый отъ снѣга Казбекъ.

На одномъ изъ отроговъ его, высоко-высоко стояла церковь Цминда—Самеба (св. Троицы), гдѣ, по преданїю, св. ап. Андреемъ Первозваннымъ, проповѣдывавшимъ здѣсь христіанство, былъ водруженъ крестъ.

Около станціи расположенъ грузинскій аулъ, сакли котораго сложены изъ шифера; другой подобный аулъ виднѣлся

и разбойническое племя. Развалины церквей и часовенъ и существованіе нѣкоторыхъ обрядовъ между ними указываютъ на то, что когда то они были христіанами.

въ противоположной сторонѣ, ближе къ отрогу, гдѣ высится церковь св. Троицы.

Передовые путники попросили разрѣшенія помѣститься на станціи и заказали чай. Скоро стали подходить и другіе спутники, а за ними прибылъ и фургонъ.

Многіе порядкомъ устали и намокли. Всѣ, переодѣвшись, съ удовольствіемъ теперь отдыхали послѣ тяжелаго путешествія.

Послѣ обѣда экскурсанты осмотрѣли церковь, ауль, памятникъ—фонтанъ въ память посѣщенія станціи царской семьей въ 1888 году, памятникъ писателю кн. Казбеку, одному изъ представителей рода, владѣвшаго ранѣе этою мѣстностью.

Растительность около аула поражаетъ своей бѣдностью. Благодаря постоянному холоду и каменистой почвѣ, хлѣбные злаки имѣютъ карликовый ростъ. Непривычнаго зрителя поражаютъ своею миниатюрностью мѣстныя мельницы, ютящіяся по горнымъ ручейкамъ. Въ такую мельницу можно просунуть одну только голову, и видсмъ своимъ напоминаетъ собачью конуру. Маленькій жерновокъ медленно вращается и не мельетъ, а скорѣе крошитъ зерна кукурузы. III.

(Окончаніе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Х-й ГОДЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Мастерская церковной живописи и иконостасныхъ работъ.

Въ гор. Богучарь, Воронежской губ.

Почетнаго гражданина, **ТИХОНА АЛЕКСѢВИЧА
ФРОЛОВА.**

(Учившагося въ рисовальномъ училищѣ живописи и художественно-иконостасной мастерской художника Шишкина въ С.-Петербургѣ).

Принимаетъ заказы на устройство новыхъ иконостасовъ, возобновленіе старыхъ и росписываніе живописью и орнаментами внутреннихъ стѣнъ церквей.

Иконостасы исполняются по новѣйшимъ Архитектурнымъ планамъ.

Поле иконостасовъ дѣлается, по соглашенію съ заказчиками, эмалерованное и золоченое.

Въ иконостасъ образа пишутся, съ имѣющихся въ большомъ выборѣ, художественныхъ эстамповъ и фотографій, снятыхъ съ оригиналовъ образовъ, находящихся въ Императ. Эрмитажѣ, Академіи художествъ, Исаакіевскомъ соборѣ, храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ, Кіевскомъ Влад. соборѣ, храмѣ Христа Спасителя въ Боркахъ и храмѣ св. Софіи въ Москвѣ.

Образы исполняются на золоченыхъ чеканныхъ доскахъ, толстомъ цинкѣ и стеклѣ.

Столярная, рѣзная и позолотная работа иконостаса, по желанію заказчиковъ, исполняется на мѣстѣ заказа, подъ полнымъ контролемъ заказчиковъ.

Допускается по соглашенію разсрочка платежа.

О добросовѣстно исполняемыхъ работахъ свидѣлствуютъ имѣющіеся похвальные отзывы.

МАГАЗИНЪ
Н. А. МИХАЙЛОВА,

Бол. Дворян. соб. домъ въ Воронежъ.

Телефонъ № 135,

всегда полонъ лучшими издѣліями изъ золота, серебра, брил-
ліантовъ, иконъ и часовъ.

Съ Января 1902 года.

Имѣется церковная утварь, какъ-то: сосуды, ковчеги, еван-
гелія, паникадила, подсвѣчники, разные кресты и прочіе.

Цѣны умѣренныя и безъ запроса.

Существующее болѣе 35-ти лѣтъ

БОЛЪШОЕ

СПЕЦИАЛЬНОЕ-МЕХАНИЧЕСКОЕ ИКОНОСТАСНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ,

художественная мастерская живописи

Алекс. Борисовича МОСКАЛЕНКОВА,

въ сл. Алексѣевкѣ, Воронежской губерніи, собст. домъ.

Даетъ возможность за умеренныя цѣны съ разсрочкою платежей (по особому соглашенію) имѣть всевозможные церковные предметы.

Обращаться съ запросомъ и заказами по церковнымъ работамъ въ слободу Алексѣевку, Бирюченскаго уѣзда, собственный домъ, письменно лично съ предъявленіемъ рисунковъ.

ПО СОГЛАШЕНІЮ.

ИСПОЛНЯЮТСЯ ЗАКАЗЫ ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ.

Иконостасы деревянные и искусственнаго мрамора съ живописью и безъ оной.

Кіоты заклиросныя и столбовыя. Стѣны надъ престоломъ.

Иконы, для желающихъ увѣковѣчить память столь дорогаго для русскаго человѣка событія спасенія *Изъ Императорскихъ Величествъ и всей Августѣйшей Семьи* отъ угрожавшей смерти 17 окт. 1888 г., разныхъ цѣнъ.

Гробницы отъ 50 р. и *плащаницы* отъ 25 р. и дороже.

Картины прозрачныя на полотнѣ и стеклѣ отъ 25 р. и до 500 р.

Запрестольные образа 25 р. и болѣе.

Иконы аналойныя и другія на цинкѣ и деревѣ на золоченыхъ, чеканныхъ, гладкихъ и простыхъ фонахъ, отъ 10 р. и дороже, судя по размѣру и сложности. Живопись производится непосредственно руками художниковъ и живописцевъ, а не печатается машинами, какъ въ метахромотиническихъ заведеніяхъ.

*Роспись и окраску церквей съ уборкою и безъ оной.
Золоченіе главъ, куполовъ и крестовъ по системѣ на мар-
данъ и фульфарбу.*

*Перезолотку старыхъ иконостасовъ и реставрированіе иконъ.
Свѣчи металлическія съ автоматическою подачею (полное
сбереженіе восковыхъ огарковъ).*

Подробное объявленіе см. № 5 Вор. Еп. Вѣд.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ

ТОРГОВАГО ДОМА

„Андрея ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ“.

МАГАЗИНЫ:

Въ Москвѣ: Никольская улица, Верхніе Торговые Ряды
№№ 82, 155, 156, 227, 228 и 229.

Въ г. Воронежъ: Московская улица, противъ Духов-
ной Консисторіи.

Въ Ярмаркахъ: Нижегородской—Мѣдный рядъ, про-
тивъ флаговъ, на Шесстѣ. Вологодской и Ростовской, Яр-
славской губерніи.

Фабрика существуетъ съ 1848 года.

Фабрика имѣетъ всѣ необходимыя техническія средства
для художественной выработки церковной утвари. Магазины
имѣютъ въ большомъ выборѣ церковную утварь всевозмож-
ныхъ рисунковъ и размѣровъ, какъ металлической, такъ и
серебряной 84⁰, паникадила, люстры, подсвѣчники, лампы,
евангелія, кресты, сосуды, ковчеги, вѣнцы, хоругви, плаща-
ницы, гробницы, кресты на голгофѣ, чаши крещенскія и во-
досвятныя, иконы и парча для облаченій и проч. и проч., а
также принимаются въ магазинахъ заказы на всевозможныя

вежи церковной утвари металлическіе и серебряныя 84⁰ и ризы на иконы, одежды на престолы и жертвенники, царскія двери, кресты на главы, рѣшетки по солеѣ и проч. и проч. и ремонтнрованіе церковной утвари, золоченіе и серебрение.

По требованію высылаются рисунки на церковную утварь и довѣренный можетъ быть лично для принятія заказа.

При заказѣ или выпискѣ товаровъ просимъ обозначать названіе ближайшей станціи желѣзной дороги, или чрезъ конторы и почтовый адресъ.

При заказѣ и покупкѣ готовыхъ товаровъ для бѣдныхъ храмовъ дѣлается разсрочка въ платежѣ.

Торговый Домъ „*Андрея Захряпина Сыновья*“.

СѢВЕРНЫЙ БАНКЪ ВОРОНЕЖСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Большая Московская ул. собств. домъ.

Платить впредь до измѣненія:

по текущему счету.....	3 ⁰ / ₀	годов.
> вкладамъ безъ срока.....	3 ¹ / ₂ ⁰ / ₀	>
> > на 6 мѣс.....	4 ¹ / ₂ ⁰ / ₀	>
> > > 1 годъ.....	5 ⁰ / ₀	>

Оплату гербового сбора по текущимъ счетамъ и срочнымъ вкладамъ Отдѣленіе принимаетъ на свой счетъ.

Страхуетъ выигрышные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

- Поученіе въ день праздника въ честь Казанской иконы Божіей Матери.—Священ. *Михаила Ключанскаго*.
Гомилетическіе наброски.—*I. Михаила*.
Образовательная поѣздка на Кавказъ воспитанниковъ духовной семинаріи.—*III*.
Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *В. Борисоглыбскій*.

Доволено Цензурою. Воронежъ. 28 Сентября 1902 г. Цензоръ Протоіерей *А. Спасскій*.